

Г. Н. МОИСЕЕВА

Казанская царица Сююн-бике и Сумбека „Казанской истории“

Одно из видных мест в системе художественных образов «Казанской истории», историко-публицистической повести середины 60-х годов XVI века, занимает литературный портрет казанской царицы Сумбеки (Сююн-бике). Автор с особым вниманием останавливается на изображении этой женщины, ее дальнозоркого ума, ее трогательной любви к умершему мужу Сафа-Гирею, ее внешней привлекательности. Наиболее поэтические страницы «красной и сладкой» повести посвящены ей.

В нашу задачу входит попытка установить, соответствует ли художественный образ Сумбеки ее историческому облику, и поставить вопрос о характере источников автора «Казанской истории» при создании литературного портрета последней казанской царицы.

Первое упоминание о Сумбеке помещено в «Казанской истории» вслед за описанием смерти казанского царя Сафа-Гирея. Автор сообщает, что царь, «умирая же, приказа царство меншой царице своей Нагайине, сын бо ему от нея родися». «Нагайина» — это Сумбека, дочь ногайского мурзы Юсуфа, вдова убитого казанцами в 1535 году царя Джан-Алия (Еналей, Геналей). Следует отметить, что в главе, посвященной времени царствования Джан-Алия (гл. 13), автор «Казанской истории» нигде не упоминает о его жене Сумбеке, несмотря на то, что в дальнейшем она занимает большое место в повести.

В 1532 году в результате переворота из Казани был изгнан Сафа-Гирей. Казанское правительство, возглавляемое сторонниками союза с Москвой, просило на казанский престол Джан-Алия — брата Шигалея (Шах-Алия), царствовавшего до Сафа-Гирея. Московское правительство дало согласие, и 29 июня 1535 года семнадцатилетний царевич приехал в Казань. В июле того же года в Москву из Казани было послано посольство для переговоров о согласии русского правительства на брак Джан-Алия с ногайской княжной. «И князь велики Яналеа царя брата и сына пожаловал, на ту волю дал и ослобонил ему у Юсуф мурзы нагайского дочь за себя взяти того ради, чтобы земля Казанская в упокое была».¹

Брак был задуман не без политического расчета. Среди ногайских ханов победу над своим братом Исмаилом одержал князь Юсуф. Московское правительство надеялось посредством союза Казани и ногаев обеспечить безопасность восточных границ; Казань находила поддержку

---

¹ ПСРА, VIII, стр. 282.

в сильном князе; Юсуф рассчитывал утвердить свою дочь в новой казанской династии и наряду с этим пристроить сыновей при дворе на высших государственных должностях. В сентябре 1535 года русский посол у ногаев Д. Губин доносил московскому правительству: «А к Юсуфу, государь, ис Казани дочь присылала Яналеева царица. Сказывают, государь, Яналей ее не любит. И Юсуф, государь, сказывают, послал х казанским князем, чтобы Яналея царя с Казани сослали, а дочь его ему отдали».¹ Юсуф, как видно из дальнейших событий, не только просил сослать Жан-Алия, но и прямо подстрекал казанцев к его убийству. 25 сентября 1535 года казанцы убили «прекраснаго, юнаго царя Геналлия Шигьяровича, в полате спяща».² В результате дворцового переворота восточная группировка, поддерживавшая претендентов на престол из крымской династии Гиреев, одержала верх, и в Казань возвратился изгнанный ранее царь Сафа-Гирей, который находился в течение всего изгнания у отца своей первой жены, ногайского мурзы Ших-Мамаю.

Сумбека после убийства Жан-Алия оставалась, видимо, в Казани, ибо возвратившийся на казанский престол Сафа-Гирей застал ее там. О том, что произошло после возвращения Сафа-Гирея, можно узнать из писем братьев Сумбеки к Ивану Грозному и писем Грозного к Юсуфу. «А Сафа-Гирей царь времени для ныне к нам таков. А из начала в братстве есмь с государи свои, с Темир-Кутлуевыми царевыми детми. Да еще брата нашего Яналия царя убил, да сестру нашу в полон за себя взял. Таков он сам недруг»,³ — писал Ивану Грозному брат Сумбеки Юнус. В письме к отцу Сумбеки — Юсуфу — Иван IV обнаруживает прекрасную осведомленность в оценке отношения к ней нового казанского хана Сафа-Гирея: «Сафакирей, крымский царевич, пришед крымских людей изменою, Яналея царя убил, а дочь твою взял и мноую ей соромоту учинил, как писати не пригоже».⁴

В 1546 году казанский народ, терпевший двойной гнет — своих вельмож и князей и «многих нагих и голодных крымцев»,⁵ которых привел с собой Сафа-Гирей, — восстал, «и казанские люди, не хотячи от него того терпети, да Сафакирея царя опять с Казани сослали».⁶

Автор «Казанской истории» сообщает, что народ для борьбы против общего врага — крымцев — вошел в соглашение с казанскими феодалами: «соединившись болшие с меншими. . . и свергоша его с царьства и выгнаша ис Казани со царицами его». В вину ему было поставлено, что «он приемляше своя земца, крымских срацын, приходяще к нему в Казань, вельможам им быти устраюша, и богатыше их, и почиташе, и власть велику обидети казанцев».⁷ Это было третье изгнание Сафа-Гирея из Казани. Казанцы его «мало не убиша за сию вину». Положение Сафа-Гирея было очень тяжелое. Автор «Казанской истории» сообщает, что Сафа-Гирей побегал «в Нагаи, за Яик и просвоитися тамо прибежав к зайицкому князю Исупу, дщерь его за себя взя, красносолнечну, мудру. . . И бысть ему жен пять и всех любимее первых жен».⁸ Действительно, Сафа-Гирей имел пять

¹ Продолжение Древней Российской вивлиофики (в дальнейшем — ПДРВ), VII, стр. 287.

² Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954, стр. 72.

³ ПДРВ, VIII, стр. 273.

⁴ ПДРВ, IX, стр. 127.

⁵ ПДРВ, VIII, стр. 142.

⁶ ПДРВ, VIII, стр. 142—143.

⁷ Казанская история, стр. 78.

⁸ Там же.

жен. Первая — дочь ногайского мурзы Ших-Мамай, вторая — «Сиберка», дочь сибирского хана, третья — крымская княжна из рода Ширин, четвертая — русская пленница, дочь какого-то князя и, наконец, Сумбека, ставшая его женой в 1535 году. То, что Сумбека стала женой Сафа-Гирея в 1535 году, а не в 1546 году, как сообщает «Казанская история», — совершенно ясно видно из писем ее отца и братьев к Грозному, приведенных выше. Автор «Казанской истории» в данном случае умышленно искажает факты. Для чего он это делает, будет показано в дальнейшем.

Сафа-Гирей прибежал в Сарайчик в 1546 году к Юсуфу — отцу своей пятой жены, на правах родни, и молил его о помощи. Юсуф мог помочь ему, он имел сильные военные отряды и, кроме того, его тяготило, что дочь его, Сумбека, находилась совсем не в том положении в Казани, о котором мечтал он, когда выдавал ее замуж за Джан-Алия. Юсуф ничего не имел против вмешательства в казанские дела. Вот что пишет об этом сам Юсуф в письме к Ивану Грозному: «Сафакирей к нам пришел да почал говорити: Пошли дей со мною сына своего да и рать мне свою пожалуй, дай. По твоему дей жалованию только Казань возьму, и яз дей в твоей воле учиню... И мы с сыном своим Юнус мирзою рать свою с ним посла и, да Казань есмя взяв, дали».¹ О том, что потребовал Юсуф за восстановление Сафа-Гирея на казанском троне, можно составить представление из писем к Грозному сыновей Юсуфа. В качестве поручительства за выполнение взятых обязательств Сафа-Гирей оставил заложницами своих жен. Юнус пишет, что Сафа-Гирей обещал ему: «А возму дей Казань, и яз дей Юсуфу князю да и вам дам Горнюю сторону, да и Арскую. А жен дей и детей своих у вас возьмем на окуп. На том нам Сафакирей царь в головах, и все крымцы роту и правду дали. И отец наш Юсуф князь в головах да и мирзы также приговорили».² Юнусу Сафа-Гирей обещал «дати мангитские доходы и учинить князем в Казани». Какие обещания были даны Юсуфу Сафа-Гиреем относительно Сумбеки, в документах свидетельств не имеется, но надо полагать, что честолюбивый Юсуф не согласился, чтобы его дочь попрежнему «держали в соромоте», и потребовал от зятя, чтобы он считал Сумбеку «любшее первых жен» и признал ее будущего ребенка своим наследником.

Пока Сафа-Гирей вел с Юсуфом переговоры, в Казани шла острая борьба московской и крымской группировок. К городу подошли русские войска во главе с Шигалеем, и «встужиша казанцы от частых войнах, находящих на них... и не ведаху откуда добыти царя себе, не хотя же от казанских царей не единого же знаемых поставити себе царя; ови же заложитися хотяше за московского царя, но бояться отомщения от него о старом преступлении; ови же старого царя, согнанного Сапкирея, из Нагаи привести его».

В результате победы московской группировки из Казани в Москву была послана делегация — просить на царство касимовского царя Шигалея. Московское правительство дало свое согласие. 13 июня 1546 года совершилась церемония возведения Шигалея на престол. А в это время Сафа-Гирей, с значительными военными силами ногайских татар под начальством брата Сумбеки Юнуса, подходил к Казани. Юнус при этом размышлял, что выгоднее: помогать ли Сафа-Гирею брать Казань в надежде получить «мангитские доходы» и стать казанским вельможей, или убить Сафа-Гирея и заключить мир, выдав Сумбеку замуж за Шигалея, т. е. «учинится в свойстве» с уже царствующим ханом и получить от него

¹ ПДРВ, VIII, стр. 143.

² ПДРВ, VIII, стр. 272.

за услугу те же «мангитские доходы». Письмо Юнуса к Ивану Грозному раскрывает характер ногайской родни Сумбеки: «Да примыслили были есмь, чтобы нам х Казани дошед вестей проведати. Только Шигалей царь похочет с нами потому же в дружбе и в братстве быти, как был Яналей царь, и с Сафа-Гиреем царем крымцев всех шестьдесят человек, и мы их побьем, а сестру свою дадим за Шигалея царя, и попрежнему в братстве будем. Так бы и есмь примыслили».¹

Шигалей был в Казани всего один месяц. Лишенный русского гарнизона, который он не мог ввести «по вере и роте» с казанцами, поминутно ожидая измены, он сам ушел из Казани. Уход Шигалея из Казани изменил планы Юнуса. «Как есмь пришли блиско Казани, аже Шигалей царь ис Казани ушел, и мы порозсудили, кого ж для нам Сафа-Гирея царя убити, да не убили».²

Вступив на казанский престол, Сафа-Гирей не выполнил своих обязательств по отношению к отцу и братьям Сумбеки. Об этом сообщает Грозному второй брат Сумбеки — Абдулла: «И мы Казань взяли да и дали Сафа-Гирею царю. А сами опять в мангиты пришли. А царицы у нас в мангитах зимовали. И на другое лето Сафа-Гирей царь ко отцу нашему к Юсуфу князю и к нам прислал, чтобы дей Юнус мирза царицы привел ко мне. . . И Сафа-Гирей царь и все ево крымцы как взяли царицы в свои руки, отцу нашему и нам свою роту и правду изменили, отцу нашему и дядем нашим Горние стороны и Арские не дали, а меня в Казани князем не учинили».³

Сумбека была единственной, кто сумел заставить Сафа-Гирея выполнять обязательства по отношению к ней. В 1549 году у нее родился сын Утемыш-Гирей (Мамшкирей), и в том же году неожиданно умер Сафа-Гирей. В это время развернулись незаурядные способности этой женщины. Ей было около тридцати лет.⁴ Житейский опыт и знание людей позволили ей в сложной обстановке придворных происков и интриг найти верный путь, чтобы остаться у власти, которой она ждала так долго. До сих пор ее судьбой распоряжались отец и братья, осуществляя свои политические планы. Теперь Сумбека развернула самостоятельную деятельность, примкнула к крымской партии, заняла враждебную позицию по отношению к Москве и вместе с этой партией оказалась побежденной в борьбе централизованного Русского государства с последним оплотом его врагов на восточной границе.

В 1549 году внезапно умер казанский царь Сафа-гирей — «пьян, руце свои и лице и нози умываху напрасно запеня ногама своима, и уда-рися во умывальный теремец главою своею, и заразися весь о землю».⁵ «Умирая же, приказа царство меньшей царице своей Нагаянине, сын бо ему от нея родися; трем же раздели имение свое равно царское и отпустили повеле во отечествия своя: большая же поиде в Сибирь, ко отцу своему Сибирскому царю; другая же в Асторохань, ко царю своему отцу; третья же в Крым, ко братии своей, князем Ширинским; четвертая же бе руская пленница, дщерь некоего славна князя, та по возвращении царя из Нагаи умер в Казани».⁶

¹ ПДРВ, VIII, стр. 273.

² ПДРВ, VIII, стр. 273.

³ ПДРВ, VIII, стр. 274—275.

⁴ Точный год рождения Сумбеки не известен. Но если полагать, что в 1532 году, когда она выходила замуж за Джан-Алия, ей было не менее двенадцати-тринадцати лет, то в 1549 году ей было около тридцати.

⁵ Казанская история, стр. 82—83.

⁶ Там же, стр. 83.

Итак, не считая сына русской княжны, который был убит русскими при обстреле Казани в 1548 году и который не мог быть наследником Сафа-Гирея, у умершего царя было несколько сыновей от четырех жен. Два взрослых сына Сафа-Гирея, Булюк и Мубарек, жили в Крыму при дворе дяди Сафа-Гирея — царя Сагиб-Гирея. Дети же с царицами зимовали 1546 год в Сарайчике у князя Юсуфа и его сыновей. В 1549 году от Сумбеки родился Утемыш-Гирей. Согласно «Казанской истории». Сафа-Гирей своим наследником признал двухлетнего Утемыша и назначил регентшей его мать Сумбеку, но «по смерти царева воста брань велика в Казани в вельможех его крамола и губительство зло».¹ Среди казанской знати шла ожесточенная борьба за власть: «вси бо творяхуся велики и властвовать в Казани хотяще».² Борьба шла, как уже указывалось, в основном между сторонниками союза с Москвой и сторонниками союза с Крымом и Турцией. Московская группировка в Казани имела связи с ханом Шигалеем, крымская — ждала хана Булюка. Положение Сумбеки в этот период было очень сложным: в случае победы сторонников союза с Москвой терялись надежды на царствование Утемыш-Гирея, ибо устранилась крымская династия Гиреев на казанском престоле. Победа крымцев, поддерживаемых военными отрядами умершего хана, привела бы на ханский престол старшего сына Сафа-Гирея.

Ногайская родня Сумбеки, тщательно взвесив шансы на победу обеих враждующих групп в Казани, учтя настроение многих казанцев, утверждавших: «нам дей без Москвы нельзя быти»,³ и видя, что перспектива воцарения Шигалея на казанском престоле становилась все более реальной, приняла энергичные меры к тому, чтобы Сумбека осталась у власти. В Москву от Юсуфа и его сыновей посыпались письма с предложением Сумбеки в жены Шигалею. Юсуф писал Ивану Грозному: «И ныне наше прямое к тебе слово то. И наперед сего мы с вами в дружбе были, а с Шигалеевым царевым братом с Яналеем царем в свойстве учинились были есмь, и над ним таков божьей суд стался. А ныне хотим с Шигалеем царем в дружбе и в свойстве быти и дочь свою хотим за него дати».⁴ В тот момент, когда к Казани подошли русские войска под командой незадачливого хана Шигалея, Юсуф был готов послать ему военную помощь: «Да приказал бы еси к нам, как срок учиниш и на котором месяце и в которой день хочеш Шигалея царя х Казани отпустить. То бы нам ведомо было. Ино бы и мы к Шигалею царю послали на пособь братию и детей своих с ними и рать свою».⁵ Авдули — брат Сумбеки — напоминает о браке Шигалея с Сумбекой: «А на перед до того был с нами в свойстве Шигалеев брат, а ныне дей с нами быти Шигалею царю, и доколе отынуды царь или царевичь не пришел».⁶ Юсуф боится, как бы Грозный не опередил его, и хочет непременно оказаться участником взятия Казани: «И мы бы дей отселе к Шигалею царю на пособь братию свою и детей своих послали».⁷

Сумбеке предстояло решить, на кого надежнее положиться — на ставленника Москвы Шигалея или на крымскую партию — опору Сафа-Гирея? Она имела все основания не доверять казанцам. Надежно ли будет царствование Шигалея, третье по счету? Но, с другой стороны, крым-

¹ Казанская история, стр. 83

² Там же.

³ ПДРВ, VIII, стр. 209.

⁴ ПДРВ, VIII, стр. 144.

⁵ ПДРВ, VIII, стр. 145.

⁶ ПДРВ, VIII, стр. 207.

⁷ ПДРВ, VIII, стр. 208.

ская группировка выставляла своих претендентов на казанский престол — старших сыновей Сафа-Гирея, живших в Крыму¹ Необходимо было расколоть крымскую партию, лишить ее единства И эту задачу Сумбека выполняла с успехом Она приблизила к себе главу крымцев в Казани — улана Кошак, дала ему все полномочия временщика и нашла опору в ханской гвардии, которая провозгласила казанским царем Утемыш-Гирея Кошак, «муж zelo величав и свиреп», обладал, видимо, незаурядным военным талантом В 1548 году он отстоял Казань от русских войск Он сумел на время прекратить раздоры и создать видимость единства в Казани перед лицом наступающего Русского государства Жестокая военная диктатура Кошака вызывала недовольство широкой массы казанцев; разбитые группировки обвиняли Кошака в узурпации ханской власти, говорили, что Кошак хочет убить Утемыша, чтобы самому стать царем в Казани Отколовшиеся от Кошака крымцы «послали в Крым послов просити помочи и сверстного царя»² Но русские казаки — Урачко с товарищами — перехватили послов, и ярлыки, таким образом, не дошли по назначению и стали известны московскому правительству

Автор «Казанской истории» показывает, какую неутомимую деятельность развила Сумбека перед лицом грозящей опасности. Она «веляше. . . в Казани осаду крепити и вои многих на помощь отвсюду збират, отколе пойдут к ним, от Нагаи, от Асторокани, и от Крыма, и от Азова, аще не достанет столиких своих вои на противление Руси, и давати им царьския казны злата и сребра без скупости найма, елико хотят».³ В то время, как ее отец и братья договаривались с Иваном Грозным о женитьбе Шигаля на Сумбеке, она ставила себе задачей «царя касимовского Шигаля и воевод московских со всею силою рускою изгнати от земли Казанския и град новый (Свияжск, — Г. М) отняти, всячески им противитися, доколе мочно»⁴

В этих условиях тяжелого военного режима ходили слухи о связи — «любви блудной со царицею улана Кошака» Об этом говорили не только казанцы, эти слухи дошли и до Москвы «Не токмо вси казанцы ведаху от своея ему жены прелюбы творяща со царицею после царя, но и на Москве слышащим речь ту и во многих ордах»⁵ Все старания Сумбеки и ее любовника Кошака противопоставить могущественной Руси террористический военный режим в Казани не привели ни к чему Наемные войска «хотяху брань составити с Русью», а те казанцы, которые считали, что «нам дей без Москвы нельзя быти», говорили: «Мы немощни есмя ныне и не силны противитися воем руским».⁶

Таким образом, новым правительством в Казани единство достигнуто не было — «бысть между всех пря и несогласие во едину мысль».⁷

Когда в 1551 году близ устья реки Свияги, впадающей в Волгу почти против Казани, русскими был поставлен город Свияжск — форпост и военная база для завоевания Казани, то с постройкой города под власть московского правительства отошла вся Горная сторона. Казанцы долго не знали о строительстве города; когда же им об этом сказали, они «не яща веры, гордостию снедаеми, чающе малый градец поставлен, зовом

¹ Свидетельство историка Крыма Мухаммед-Ризы в «Ассеб-ссейяр» См. М Худяков Очерки истории Казанского ханства. Казань, 1923, стр 108

² ПСРЛ, XIII, ч 2, стр. 459

³ Казанская история, стр 92—93

⁴ Там же, стр 93

⁵ Там же

⁶ Там же

⁷ Там же

гуляй».¹ Народы Поволжья присягали «по вере и роте» московскому правительству. Всем было ясно, что дни Казани сочтены. Крымский гарнизон Кошак увидел себя в окружении врагов, и фаворит царицы Сумбеки решил бежать с семьей и близкими в Крым. Ночью, тайно, «не являясь никому», Кошак покинул со своим отрядом Казань. Казанцы дали весть о бегстве Кошака войскам Шигалея, стоявшим на всех перевозах вокруг Казани, и отряд беглецов был уничтожен, а сам Кошак казнен в Москве.

Теперь Сумбеке не оставалось ничего иного, как пойти на соглашение с Москвой путем брака с Шигалеем. Правительство Сумбеки обязалось признать Шигалея «царем на Казани», чтобы он взял Сумбеку «честно женой себе, не гордяся тобою, с любовью, не яко горкую пленницу, но яко царицу любимую и прекрасну».² Эта речь была «люба... царице и всем вельможам и всему народу казанскому». Автор «Казанской истории» описывает, что казанцы пировали и веселились 15 дней, надеясь, что это «мир, аки вечны». Сумбека, согласно татарскому обряду, послала жениху брашно и рубашку, изготовленные своими руками. Когда же Шигалей, получив подарки Сумбеки, велел дать брашно собаке, ту «расторже на кусы». Рубашку надели на приговоренного к смертной казни, и «отрок» тотчас умер. После этого Шигалей вызвал к себе казанцев и спросил их: «Яко по вашему научению сотвори сия мне царица ваша. Они же кляхуся, неведуще сего, и даша ему волю, яко же хочет с нею за сие зло».³ Шигалей «разгневался на ню» и «посла ю» в Москву, «яко прелютую злодейцу, со младым лвищем, сыном ея, со всею царьскою казною их».⁴ Казанцы же, пишет далее автор «Казанской истории», не стали «о ней со царем вопреки, что царица слово свое и клятву преступи... и волю ему даша вывезти царица невозбранно ис Казани».⁵

Таким образом, согласно версии автора «Казанской истории», Шигалей решил изгнать Сумбеку из Казани за то, что она хотела его отравить.

Посмотрим, как описывает события, связанные с изгнанием Сумбеки из Казани, составитель официозного рассказа о взятии Казани в «Летописце начала царства, царя и великого князя Ивана Васильевича», бывший в курсе всех событий, пользовавшийся документами и свидетельствами очевидцев.⁶

После того как из Казани убежал Кошак с отрядом крымцев, рассказывает автор «Летописца начала царства», «казанцы почали посылати к Шигалею и к воеводам бити челом, чтобы государь пожаловал, гнев свой отдал им, а пленить их не велел, и дал бы им на государьство царя Шигалея, а Утемешь бы Гирея царя государь к себе взял и с матерью Сююнбук царицею».⁷ Здесь же далее приведен весь текст челобитной, которую послал Енбарс мурза Ивану Грозному. Казанцы предлагали вывезти из Казани Сумбеку с сыном и «крымцев досталных и жены их и дети отдати государю».⁸ Иван IV дал согласие вести переговоры при условии выдачи казанского царя и царицы и «крымцев всех досталных и детей их». В августе 1551 года Алексей Адашев привез из Москвы от

¹ Казанская история, стр. 92.

² Там же, стр. 96.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи. Летопись занятий Археологической комиссии, XXXIV, 1927, стр. 88—89.

⁷ ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 468.

⁸ Там же.

Ивана IV согласие посадить на казанский престол хана Шигалея, а Сумбеку с сыном вывезти в Москву. 11 августа 1551 года последняя казанская царица была отправлена в Свияжск. Шигалей и русские воеводы послали привезти Сумбеку с сыном князя Петра Семеновича Серебряного, который и встретил их «на Казанском устье». 12 августа князь Петр Серебряный повез пленников в Москву, куда прибыл 5 сентября 1551 года. На другой день после отправления Сумбеки из Казани, т. е. 13 августа, Шигалей в третий раз вступил на казанский престол.

Почему автору «Казанской истории» понадобилось ввести в рассказ об изгнании Сумбеки с сыном из Казани вымышленный эпизод с отравленной пищей и одеждой? Что вынудило самих казанцев выдать Сумбеку московскому правительству? Почему автор «Казанской истории» не описал действительный ход исторических событий и его рассказ так разнится от рассказа об этом же событии официального летописца Ивана Грозного?

Нам кажется не случайным то, что в челобитной, поданной московскому правительству от имени казанского народа, наряду с выдачей Сумбеки с сыном предлагается выдача московскому правительству «крымцев достальных и дети их». Можно полагать, что крымцы и Сумбека были обвинены в чем-то очень серьезном, если только при условии их выдачи Иван Грозный мог согласиться на мирные переговоры. Есть основания думать, что этим общим делом Сумбеки и крымцев была связь Казани с Турцией в надежде получить от нее помощь для борьбы с Русским государством.

Сказочный эпизод с отравленной пищей и одеждой в «Казанской истории» сделал Сумбеку виноватой только по отношению к Шигалею. и он, а не казанцы, изгоняет ее из пределов казанского царства.

Обратимся теперь к описанию изгнания Сумбеки из Казани в главе «Казанской истории» «О изведении царицы с сыном ея из Казани и о плачи ея».

Сумбека не знала, что ей предстоит ехать в Москву: «царице же не сведавше изымании своего: аще бы сведала, то бы сама ся убила». Она сидела в «превысоких светлицах», когда к ней по приказу Шигалея пришел московский воевода «князь Василий Серебряный и с ним вси 3000 вооруженных, 1000 огненных стрелцов».¹ С этой громадной военной силой Василий Серебряный вошел в Казань, чтобы взять «царицу со царевичем ея». С почтением русский воевода сообщил Сумбеке: «Поимана еси, волная царица казанская», на что Сумбека «умилно с тихостию» ответила «варварским языком»: «буди воля божия и самодержжеца московского»; потом она «заразися о руки рабынь, поддерживающих ю, и пусти глас свой с великим плачем и подвизающе с собою на плач и то бездушное камение».² Вокруг нее рыдали «честные жены и красныя девица», «и велможи, и властители, и вси царьсти отроци. И слышавше плач той и стекахуся народ ко цареву двору и тако же плакахуся, и кричаху неутешно, хотяху воеводу жива поглотити, аще бы мощно и воля, его камением побити».³ Приближенные Сумбеки, «ея старейши воеводы и вельможи», умоляют Серебряного «мало помедлить» с увозом царицы из Казани. Посоветовавшись с Шигалеем, Василий Серебряный «дал ей 10 дней пребыти в полатех своих, за крепкими стражами, да не убьет сама себе, и дав ее беречи велможам казанским, и сам почасту

¹ Казанская история, стр. 97.

² Там же.

³ Там же, стр. 97—98.

ходя назиравше ю».¹ В день вывоза Сумбеки вельможи вели ее «под руце», впереди шел Василий Серебряный, «а царевича, сына ея, пред нею несоса на руках пестуны его». Сумбека «упросися у воеводы у царева гроба проститися». Серебряный отпустил ее «за сторожами своими, а сам ту у двери стояще». Сумбека «сверже алатую утварь в главы своя и раздра верхняя ризы своя, и паде у гроба царева, власы главы своя терзающе и ноготми лице свое деруше, и в перси своя бьюще и плакася горко». Царица причитает над гробом Сафа-Гирея: «О милый мой господине, царю Сапкирее! Виджь ныне царицу свою! Любил еси паче всех жен своих, сведома бываема в плен иноземными воины на Русь с любимым сыном твоим, яко злодеица». В воплях отчаяния у Сумбеки прорывается ее злобная ненависть к Русскому государству: «Увы мне, не веси ли сего: се бо предается царица твоя врагом твоим, в руце надеемым сопостатам нашим, московскому царю». Она понимает, что не может «в рати битися силе и крепости его». Крымская группировка в Казани — ее опора — разбита и уничтожена, и она «не имех помогающих». Сумбека согласна, чтобы «от иного некоего царя пленена бысть была единого языка нашего и веры единых, то шла бы тамо, не тужа, но радостно и без печали». Два часа царица «причиташе... и кричаще, лежаще у царева гроба на земли». Когда ее подняли, «приставник» ужаснулся: «бе бо царица образом красна велми и в разуме премудра, яко не обрестися такой лепоте лица ея во всех в казанских женах и в девицах, но и во многих русских на Москве, во дщерях и в женах боярских и во княжнах».² Серебряный утешает Сумбеку «сладкими словесы»: «Не бойся, госпожа царица, престани от горкого плача, не на бесчестие бо и не на смерть идиши с нами на Русь, но на великую же честь к Москве ведем тя... и не отымется честь и власть твоя от тебе. Самодержец милость велику тебе покажет... но и паче возлюбит тя, и даст на Руси некия грады своя вместо Казани в них царствовать... И есть на Москве много царей юнных, по твоей версте, кроме Шигалея, кому поняти тя, аща восхощеши за другого мужа посягнути. А Шигалей бо стар есть, аки отец или дед, ты же млада, аки цвет красный».³ Казанцы провожали Сумбеку с сыном «честно всем народом градским, мужи и жены, и девицы, и мал и велик на брег Казани реки воюще горко по царице, аки по мертвой все». Казанцы любили Сумбеку, «поминающе ея разум и премудрость, и к вельможам честь, и ко середним, и ко обычным милование и дарование, и ко всему народу брежение велие». Везли Сумбеку в «царском струге» с большим почетом, с нею ехал русский воевода и «70 жен и девиц красных 30, добрододных на утеху царицы». Царский струг был окружен «стрелцами огненными», которые оберегали Сумбеку от похищения ее казанцами. Боялись, что «егда казанцы раскаются и достигоша царицу отымут».

Покидая Казань, Сумбека проклинает виновника ее изгнания — Шигалея: «И суди бог, мсти во всем супостату нашему и злomu врагу, царю Шигалею!».

Сравнивая рассказ о проводах Сумбеки, написанный автором «Казанской истории», с повествованием о том же событии, помещенным в «Летописце начала царства», легко заметить существенную разницу. По данным «Летописца начала царства», казанцы сами выдают Сумбеку с сыном московскому правительству; в рассказе «Казанской истории»

¹ Казанская история, стр. 98.

² Там же, стр. 99—100.

³ Там же, стр. 100.

ее увозят из Казани по наущению Шигалея. В «Летописце начала царства» казанцы привозят царицу и крымцев в Казанское устье, и только отсюда в Москву пленников везет русский воевода; в рассказе «Казанской истории» в Казань за Сумбекой с сыном послан князь Серебряный, который бережет ее здоровье, красоту, утешает ее, обещая от имени Ивана Грозного милости. Казанский народ, в обрисовке автора «Казанской истории», глубоко любит свою царицу Сумбеку. Она молода и прекрасна. Умерший казанский царь Сафа-Гирей любил ее «более всех своих жен», а сын Утемыш-Гирей был его «любимым сыном».

Для того чтобы дать исторический комментарий к этой части «Казанской истории», достаточно вспомнить уже приведенную выше переписку отца и братьев Сумбеки с Иваном Грозным и ответы Грозного.

Как уже указывалось выше, в 50-х годах XVI века Сумбеке было более тридцати лет. Шигалей родился в Касимове в 1505 году,¹ следовательно, в 1551 г. ему было сорок шесть лет и он был старше Сумбеки немногим более чем на десять лет, так что ни в отцы и тем более в деды он ей не годился.

О взаимоотношениях Сумбеки с Сафа-Гиреем, о которых можно судить на основании исторических документов, сказано выше. Относительно 70 жен и 30 девиц, которые, судя по рассказу автора «Казанской истории», поехали с Сумбекой в Москву «на утеху царице», можно полагать, что это те самые «крымцы и их дети», которые упоминаются в челобитной казанцев и которые были выданы московскому правительству одновременно с Сумбекой и ее сыном.

На этом в «Казанской истории» кончается описание событий, связанных с именем Сумбеки. В главе 93, где рассказывается о крещении последнего казанского царя — Едигера, глухо сказано о ее дальнейшей судьбе. Сумбеке было предложено креститься в православную веру: «добром нужна бысть крещение принять, и не крестися». Она была отдана замуж за Шигалея, потому что «замуж за иного царя ни за кого же не восхоте пойти, аще не царь Шигалей поимет ю». Царь Шигалей «взем за себя казанскую царицу и не любяще красоты ея, она бо хоте его в Казани былием отравити. . . и живше она в отлученьи у него и не в свете хранине заключена, аки в темнице, и спати с нею не схожашеся, и един раб его варварин з женою своею, оба стары и верны ему, приставлены кормить и служить ей, слова ради к нему самодержцова».

Попробуем воссоздать этот период в жизни Сумбеки, основываясь на переписке ее родни с Иваном Грозным.

Известно, что в 1551 году, когда Шигалей был реальным претендентом на казанский престол, мурза Юсуф и его сыновья настойчиво предлагали Сумбеку в жены Шигалею.²

Шигалей 15 августа 1551 года вступил на казанский престол, но царствовал он один месяц. Казанцы требовали, чтобы Шигалей добился от московского правительства возвращения Горной стороны с крепостью Свияжском, московское правительство требовало отказа со стороны казанцев от Горной стороны и возвращения русских пленных. Жестокая расправа Шигалея с остатками крымской группировки в Казани вызвала недовольство, нарочито подогреваемое казанской знатью. Из их среды был выдвинут проект унии с Московским государством с признанием русского наместника при условии сохранения всех прав господствующим

¹ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах СПб 1863 стр. 43—53.

² ПДРВ, VIII, стр. 144, 145, 205, 207.

щего класса. Шигалею было предложено оставить казанский престол. К моменту прибытия в Казань русского наместника — Семена Ивановича Микулинского — в городе вспыхнуло восстание. На ханский престол был призван астраханский царевич Едигер.

В 1552 году московское правительство снарядило грандиозный военный поход. В конце августа началась осада Казани. После полуторамесячной осады стены Казани были взорваны и город взят штурмом 2 октября 1552 года.

Взятием Казани не закончилось покорение Казанского ханства. В течение пяти лет длилась упорная борьба. Сотник Мамыш-Берды собрал отряд в несколько тысяч — остатки разбитых казанцев — и хозяйничал на Волге выше Казани. В 1553 году казанские феодалы предложили престол ногайскому мурзе Мухаммеду, сыну Исмаила, но Мухаммед отказался, так как его отец склонялся к верному союзу с Москвой. На казанский престол был выбран брат Сумбеки, сын ногайского мурзы Юсуфа — Али-Акрам. Летом 1553 года Али-Акрам с 300 ногайцев прибыл в Чалым — опорный пункт для борьбы с Россией. Князь Юсуф решил поддержать сына и собрал громадное войско, чтобы осенью 1553 года вступить в пределы Русского государства. К союзу ногайцев и казанцев примкнуло Астраханское ханство. К борьбе против России Юсуф хотел привлечь и верного союзника Москвы ногайского князя Исмаила. Русский посол в Сарайчике Д. Губин писал в донесениях Ивану Грозному: «Да нагайской, государь, Юсуф князь послал к Смаил мирзе: яз де перекою за Волгу, а возму с собою Такбилди царевича Астраханского, да поедем воевать на Русь. Исмаил мирза с ним не похотел, да ему отговорил и промеж ими ныне великая нелюбка».¹

Для борьбы с Русским государством было нужно знамя, и Юсуф видел его в бывшей казанской царице Сумбеке. В Москву посыпались письма с требованием вернуть Юсуфу Сумбеку и внука Утемыш-Гирея. Иван Грозный понимал, какой вред может принести Сумбека, если ее отпустить в Сарайчик. Было необходимо удержать ее в поле зрения московского правительства. Для этого удобной формой отказа послужило замужество Сумбеки. Шигалей был братом ее первому мужу, и, опираясь на те же доводы, которые приводили Юсуф и братья Сумбеки, когда предлагали ее в жены Шигалею, Грозный теперь неизменно отвечал отказом. Царь писал Юсуфу: «И ты сам разсуди, дочь твоя была замужем за Еналеем царевым Шигалеевым братом... И ты писал многижды, что дочь твоя Шигалеев царев юрт».² «И Шигалей царь нам бил челом, что дочь твоя юрт его, и по вашему закону пригоже ей быти за ним. А дочь твоя за него захотела же».³ В письмах к мурзе Исмаилу Грозный отвечал так же: «Прислал еси к нам просити Юсуфовы дочери Сююнбек царицы, чтобы нам ее к вам отпустить. И мы ее хотели к вам отпустить. И Шигалей царь бил челом, что и Сююнбек царица юрт его, что была за братом его за Еналеем царем, и по вашему закону пригоже за ним быти».⁴

В 1553 году сын Сумбеки Утемыш-Гирей был крещен и получил имя Александр.⁵ В 1554 году Юсуф писал Грозному о том, что до него дошли слухи о дурном обращении Шигалея с Сумбекой, будто он ей отрезал нос

¹ ПДРВ, VIII, стр. 327.

² ПДРВ, IX, стр. 127.

³ ПДРВ, IX, стр. 328.

⁴ ПДРВ, VIII, стр. 334.

⁵ ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 527.

Грозный отвечал: «И женского обычая непригожих речей что слушати, где было тебе нам бити челом, и наше добро на веки памятовати. И ты женского для слова наше добро в недружбу ставиши казаков наших в нуже держиши и недружбами похваляешься».¹ Одновременно с этим письмом Грозный послал письмо Шигалею в Касимов: «Писали к нам Исмаил мирза, и Касей мирза и Юнус мирза. Сказали дей Юсуфу князю, будто ты, брат наш, по нашему слову Сююнбек царицу казнил, носа ей срезал и, поругание великое учиня, убил ее до смерти. И того для Юсуф князь на нас гневается, послов и гостей к нам не посылает. А наши казаки, Бахтеяр Баимаков с товарищи, нам сказывали тоже, будто сказали Юсуфу князю, что дочь ево казнена. И как Юнус мирзин Зиеналей и Вахтыгиллей к тебе приедут, и тыб ему велел быти у себя, да и у царицы бы еси у своей, у Сююнбек, велел им быти, чтобы они ее видели... А будет Сююнбек царице пригоже от себя к отцу и к матери своей послати грамоты о своем здоровьи известити; и ты бы ей велел послати грамоты, каковым пригоже быти, да и поминок что пригоже. А каковы грамоты Сююнбек царица к Юсуфу князю к матери пошлет и ты бы, брат наш, с тех грамот списки к нам прислал».²

Письмо это раскрывает нам отношения, установившиеся между Иваном Грозным, Шигалеем и Сумбекой.

Небезынтересно отметить, что слухи о судьбе Сумбеки, распространившиеся во враждебной московскому правительству среде, совпадают с последними сведениями автора «Казанской истории» о жизни Сумбеки.

Какие же выводы можно сделать, сравнивая образ Сумбеки, созданный автором «Казанской истории», и исторический образ ее, каким он представляется на основе документальных свидетельств эпохи?

Во-первых, автор «Казанской истории» в своем произведении охватывает только часть биографии Сумбеки — период с 1546 до 1551 года. Это наиболее блистательная пора ее жизни, годы, когда она считалась «первой», «любимой» женой Сафа-Гирея, и время ее регентства. Годы с 1532 по 1546 не нашли отражения в повести. Это время замужества Сумбеки за Джан-Алием, который не любил ее, время пребывания в «полоне» и «в соромоте» у Сафа-Гирея. Годы после 1551 нашли лишь глухой отклик.

Во-вторых, автор, показывая Сумбеку после смерти Сафа-Гирея, не раскрыл нам той роли, которую она действительно тогда играла в борьбе за власть. Связь ее с Кошкаком уланом объяснена не как политический шаг, вызванный необходимостью найти опору во враждебном лагере, а как внезапно вспыхнувшая любовь. Действительный смысл этого поступка Сумбеки был разгадан в Москве. Грозный писал в письме Юсуфу: «И как Сафакирей царь умер, и дочь твоя содиначась с крымцы и с казанцы многие нам грубости делали; и мы за те грубости сами х Казани ходили, а рати свои многие посылали».³

В-третьих, изгнание Сумбеки из Казани мотивировано автором личной обидой на нее Шигалея. Не показано, что на самом деле выдача Сумбеки с сыном была предложена казанцами, которые хотели отмежеваться от тех, кто участвовал в борьбе против московского правительства. Шигалей никакого участия в этом обращении в Москву не принимал, так как сам был в это время в Свияжске в качестве претендента на престол и приехал в Казань через два дня после отъезда Сумбеки.

¹ ПДРВ, IX, стр. 129.

² ПДРВ, IX, стр. 147.

³ ПДРВ IX, стр. 128.

И, наконец, в-четвертых, последнее упоминание о Сумбеке, о ее жизни в Москве после 1551 года, об отношении к ней Шигаляя очень сходно с версиями об ее жизни, усиленно распространявшимися ногайской родней Сумбеки.

В свете сказанного можно полагать, что автор «Казанской истории» отражал ту часть жизни Сумбеки, которая показывала ее с положительной стороны. О закулисных делах казанской царицы он или умалчивал, или тенденциозно искажал рассказ о них. Он нарисовал идеальный образ «вольной казанской царицы», отразив представление о Сумбеке тех враждебно к Москве настроенных слоев казанского общества, на которые она опиралась во время своего регентства и которые находили у нее поддержку. Устные рассказы и предания о Сумбеке уже тогда усиленно распространялись в Казани. Не прекратили они бытовать и после 1551 года. Об этом свидетельствуют письма ее отца и братьев.

Но мы знаем, что автор «Казанской истории», русский пленник в Казани, проживший там двадцать лет, был несомненным идейным сторонником московского самодержавия. Как же объяснить, что он, преследуя цель возвеличить могущество Русского государства и его главы Ивана IV, при создании образа последней казанской царицы Сумбеки воспользовался легендами о ней, исходившими из политически враждебных кругов?

Ответ следует искать в конкретной обстановке времени создания произведения. В те годы, когда писалась «Казанская история» (1565 год), отошли в прошлое сложные перипетии внутривосточной борьбы в покоренном Казанском ханстве. Изменилась обстановка в Большой Ногайской Орде: в 1554 году отец Сумбеки — Юсуф — был убит в междоусобной войне своим братом Исмаилом. Последний с этого года считался старшим князем у ногаев, которому подчинились и его враги — дети Юсуфа. После занятия русскими войсками Астрахани (1557 год) начались отношения полной зависимости Ногайской Орды от Русского государства.¹ Князь Исмаил принял на себя обязательства помогать московскому правительству в борьбе с его противниками и соблюдать прочный мир.

Таким образом, в середине 60-х годов XVI века была устранена та почва, на которой могли принести свои плоды честолюбивые мечты бывшей казанской царицы. О ней как о политической силе можно было больше не думать. Поэтому в произведении, посвященном взятию Казани, литературный портрет Сумбеки не отражает политической характеристики этой честолюбивой воительницы за власть и имеет мало общего с ее исторической личностью. Художественный образ Сумбеки создавался автором «Казанской истории» не на основе документальных данных (хотя они были в его распоряжении).²

Автор опирался на художественный опыт, накопленный древнерусской литературой в ее лучших образцах, и на татарский феодальный эпос. Исследователями уже отмечалась прямая зависимость описания прощания Сумбеки с Сафа-Гиреем от плача княгини Евдокии по Дмитрию Донскому из «Слова о житии Дмитрия Ивановича царя рус-

¹ Такое положение продолжалось до конца 60-х годов XVI века. После смерти Исмаила его сын и преемник Тинехмат в начале 70-х годов разорвал дружественные связи с Москвой и вошел в контакт с Крымским ханством (А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, стр. 28).

² Г. Н. Моисеева. Автор «Казанской истории». Труды ОДРЛ, IX, стр. 284—285.

ского».¹ Связь «Казанской истории» с татарскими историческими преданиями и легендами не может быть установлена в конкретных формах. Но несомненно, что описание попытки отравления Сумбекой хана Шигалея посредством присылки к нему отравленной пищи и одежды восходит к татарскому обычаю одаривания невестой жениха.² Несомненно и то, что характеристика Сумбеки как «первой» и «любимой» жены Сафа-Гирея отражает оценку ее определенными кругами казанских феодалов, поддерживавших ее политический престиж. Можно полагать, что сцены торжественных проводов Сумбеки из Казани также основаны на каких-то, не дошедших до нашего времени легендах и преданиях.

Автор «Казанской истории» свидетельствует сам, что он прибегал к устным источникам; он говорит, что слухи о любовной связи Сумбеки с уланом Кошчаком были известны не только в Казани, «но и на Москве слышащим речь ту и, во многих ордах». Рассказ о жизни Сумбеки в Москве также близко совпадает со слухами о ней, распространенными в Ногайской Орде.

Поэтизация Сумбеки в «Казанской истории», непосредственно связанная с самим характером источников автора, не противоречит общей направленности всего произведения в целом — прославить величие и могущество Русского государства. Живущая в Касимове бывшая казанская царица не являлась более политическим врагом. На Сумбеку распространялась та атмосфера благожелательности и уважения, которая являлась следствием умной и дальновидной политики, проводившейся русскими государями, начиная с Ивана III, в отношении восточных народностей. Известно, что при дворе Ивана IV находились и пользовались почетом «выезжие» на Русь татарские царевичи, в том числе сын Сумбеки Утемыш-Гирей (в крещении Александр Сафакиреевич), казанский хан Едигер, плененный при взятии Казани в 1552 году (в крещении Симеон Касаевич), крымский царевич Тохташых, царевич Кайбула, Дервиш-Алей, касимовский хан Шигалей и многие другие.³

Литературное мастерство автора «Казанской истории», сформировавшееся на основе художественного опыта древнерусской литературы,⁴ позволило ему с большим тактом и умением воспользоваться феодальным эпосом казанских татар для создания высоко поэтического образа «прекрасной и велми мудрой» последней казанской царицы Сумбеки.

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 168.

² На это впервые указал Г. Э. Куневич, сославшись на книгу М. Н. Пинегина «Свадебные обычаи казанских татар» (Известия Казанского общества археологии, истории и этнографии, IX, вып. 1, 1891): Г. Э. Куневич. История о Казанском царстве. СПб., 1905, стр. 375.

³ Дела Тайного Приказа, СПб., 1908, кн. 2, стр. 60.

⁴ А. С. Орлов 1) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. СПб., 1909, стр. 4—5; 2) Хронограф и «Повесть о Казанском царстве». Сборник в честь акад. А. И. Соболевского, Л., 1928, стр. 188—193.